

«Против чего? Против кого?» — возможно, переспросит меня читатель, ознакомившись с заголовком. Это уж доподлинно известно, что такова судьба русского писателя — непременно быть против. Но на сей-то раз горемычный отечественный литератор с чем не согласен? С кем не в ладу? Опять костерит кого? Или, наоборот, оплеванный кем-нибудь, понурился, размышляя о тяжелой доле своей? Отвечаю: а все сразу! Впрочем, шутки в сторону. Предлагаемый читателю материал представляет собой отчет о встрече писателя Ю. М. Полякова с представителями нашей и зарубежной общественности. Означенный творческий вечер состоялся весной 2017 года, а прошло мероприятие в Посольстве Российской Федерации в Государстве Кувейт. Составлен отчет (почти стенографический) заведующим отделом международных связей редакции «Приокских зорь» И. Карловым, что ему и по должности положено, и включил в себя ответы господина Полякова не только на вопросы члена редколлегии «ПЗ», но и реплики главного редактора «Литературной газеты» пандан высказываниям других участников беседы, а также никем специально не спровоцированные рассуждения писателя, публициста и общественного деятеля.

Юрий Поляков, получивший признание широкой публики во второй половине 80-ых, с тех пор уже не покидал олимпа литературной известности и на сегодняшний день является, возможно, самым «тиражным» беллетристом в России. Прославленный созданием романов, пьес, сценариев, Поля-

ков, получивший признание широкой публики во второй половине 80-ых, с тех пор уже не покидал олимпа литературной известности и на сегодняшний день является, возможно, самым «тиражным» беллетристом в России. Прославленный созданием романов, пьес, сценариев, Поля-

ков является еще и словотворцем. Ему, например, принадлежит авторство колоритного словечка «апофегей». Вот и вынесенная в заголовок аббревиатура ПИП придумана Поляковым. А означает она... Впрочем, не буду раскрывать ее смысл, сохранию интригу.

Итак, передаем слово самому Полякову.

Ю. М. Поляков о прошлом, настоящем и будущем «Литературной газеты»:

— Я тридцать третий главный редактор «Литературной газеты». Среди моих предшественников замечательные писатели: и Дельвиг, и Фадеев, и Кочетов, и Симонов, даже соавтор Ильфа Петров. Он не только написал в соавторстве «12 стульев» и «Золотой теленок», но и некоторое время еще побыл редактором «Литературной газеты», недолго, но побыл. Впрочем, пример Дельвига, первого редактора «Литературной газеты», доказывает, что эта должность довольно опасна. Дельвиг во время польского мятежа опубликовал перевод стихотворения французского поэта в поддержку польских сепаратистов, как сейчас бы сказали. Его вызвал к себе Бенкендорф, накричал на него. А Дельвиг был очень впечатлительным человеком, очень расстроился, пришел домой, с ним случилась горячка, и он умер. А я уже шестнадцатый год возглавляю газету. Конечно, бенкендорфов сейчас нет. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что Бенкендорф был человек достаточно объективный, он был государственник в тогдашнем понимании. Об этом не принято было говорить при советской власти, но сейчас, я думаю, об этом можно сказать. Издание культурологического еженедельника — дело убыточное. Так всегда было. Только при советской власти так не было. Когда один раз в середине девятнадцатого века «Литературная газета» попала в очень сложную материальную ситуацию, то третье отделение, которое, как нас учили в школе, только тем и занималось, что губило свободомыслие, за подписью Бенкендорфа выделило 30 тысяч рублей (большие деньги по тем временам) на поддержку «Литературной газеты». Все было не так однозначно. Но в конце девятнадцатого века газета закрылась, уже после отмены крепостного права. Начался рынок, и культурологическое издание «Литературная газета» не выдержало. А открылась она снова в 1929 году, и выход «Литературной газеты» ознаменовал изменение как внешней, так и внутренней политики СССР. «Литературная газета» стала знаком того, что советская власть отказалась от интернациональных мечтаний о всемирной революции. Поняли, что заниматься надо своей страной. Всемирная революция будет или не будет — никто не знает, а страну надо развивать. Именно тогда было принято решение потихонечку возвращать традиции имперской России, и на фоне тогдашней революционной прессы (а назывались газеты «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Смена», «Красная звезда» и т.д.) появляется вдруг «Литературная газета». Интеллигенция сразу сообразила: «Вдруг возобновили пушкинское издание... Что-то там, в Кремле, они затеяли!» Так оно и оказалось. Случайно же ничего не делается в политике, и во внешней, и во внутренней. Действительно, с конца двадцатых — начала тридцатых годов началась линия на возвращение традиций, более взвешенное отношение к имперскому прошлому, крах исторической школы Покровского (что тоже немаловажно), возвращение русских историков, которых успели загнать в ссылку, ученых, пытавшихся сказать, что до революции тоже люди жили и даже делали что-то хорошее. И вот после 1929 года «Литературная газета» развивалась как советский проект. Существовало специальное закрытое решение Политбюро по поводу «Литературной газеты», о том, что это будет своего рода «клапан свободомыслия», потому что люди, руководившие страной, понимали: однопартийная система требует каких-то противовесов. И если невозможно создать в той цивилизации такого противовеса, как политические партии, то эту функцию может выполнять критически настроенная пресса. И «Литературная газета» была избрана как раз таким

полигоном, где разрешалось говорить гораздо больше, чем в других изданиях. И когда Симонова назначили главным редактором «Литературной газеты», то он был вызван к Сталину, который сказал: «Мы здесь посовещевались, и вам можно будет говорить то-то, то-то, то-то. Мы вас будем очень ругать, топтать ногами. Вы не обращайтесь внимания. Все равно говорите. Это очень нужно». И в этом режиме газета работала много лет, расцвет ее произошел при А. Б. Чаковском. Вполне заслуженно несколько лет назад прямо напротив Моссовета на доме, где жил этот замечательный главный редактор, открыли мемориальную доску. На протяжении всего советского периода «Литературная газета» оставалась рупором интеллектуальной элиты. Но в девяностые годы руководить изданием стали люди с однозначно прозападным мировоззрением. Газета пришла в упадок. Это и понятно: в нашей стране либеральная идея (в нашей, русской, версии) крайне непопулярна. Если вы заметили, в той же передаче Соловьева, где я появляюсь, если у барьера стоят либерал и консерватор-патриот, обычно они еще рта не открыли, уже у патриота в двадцать раз больше голосов. Уже не надо проводить никаких плебисцитов и замеров. Все понятно. В конце девяностых с газетой была беда, ее тираж упал донельзя — с 6,5 миллиона экземпляров до 15—17 тысяч. И когда в 2001 году я пришел в газету, мы стали возвращать газете читателей, вернули ей пушкинский принцип полифоничности, потому что пресса не должна навязывать свою точку зрения, она не должна быть рупором какой-то очередной моноидеологии. Она должна предложить читателю разные версии разных взглядов. А уж читатель пусть решает, какой взгляд ему ближе и интереснее. В этом режиме мы и работаем уже шестнадцатый год. Не без трудностей, но нам удалось вернуть читателя. Бывали у нас, конечно, и проблемы, потому что мы газета смелая. Последняя наша серьезная проблема возникла после публикации очень критического материала по поводу открытия Центра Ельцина в Екатеринбурге. Большинство газет критически отнеслось к этой акции, но мы возмутили людей, которые симпатизируют линии Ельцина, своей шапкой: «Мумификация позора». Эта шапка страшно всех рассердила. Поштормило нас серьезно. Но у нас сейчас свобода слова. Наша газета не государственная, и поэтому... они на нас обиделись, а мы на них обиделись. И все. И разошлись. Газета развивается. Я думаю, она не закроется, поскольку это достояние нашей культуры, как Третьяковская галерея, как МХАТ (мы даже старше, чем Художественный театр, и старше, чем Третьяковская галерея). Я надеюсь, что будут и тридцать четвертый, и тридцать пятый редактора.

О свободе принятия решений главным редактором средства массовой информации:

— Если принуждение тебя устраивает, не мешает тебе жить — оно и есть свобода. Абсолютно ни от чего не зависит, как справедливо говорил В. И. Ленин, невозможно. Во всяком случае, я за свою жизнь не встречал ни одного главного редактора, который ни от кого не зависит. Таких просто нет. Но зависеть надо от здоровых сил. Тогда это всем идет на пользу. Если же зависеть от мрачных, разрушительных сил, это идет во вред.

О том, почему, начав как поэт, стал прозаиком:

— Я развивался как литератор по той схеме, которая является классической. Практически все серьезные прозаики начинали как поэты. Одни не создали ничего значительного, поэтому мы просто не знаем об их поэтическом творчестве; другие, например, Бунин, были прекрасными поэтами. А. Н. Толстой очень был популярен как поэт, у него есть толстый том стихов. В. П. Катаев начинал как поэт, как представитель южнорусской поэтической школы, он тоже выпустил несколько книжек стихов. Совершенно нормально, если писатель начинает как поэт. Если прозаик начинает как поэт, то его проза всегда более насыщена, более богата по языку. Покажите

мне две странички прозы, и я сразу скажу: писал человек стихи или не писал. Это видно по структуре фразы, по словопотреблению и т.д. Но настоящая поэзия обладает такой особенностью: поскольку это особое энергетическое состояние, как правило, оно быстро заканчивается. У того же Пушкина количество стихов по отношению к другим жанрам с возрастом стремительно убывает. И, если бы наш великий стихотворец остался жив, я думаю, он в основном перешел бы на прозу или на исторические труды. Хотя были и другие примеры, были поэты-долгожители. Например, А. Фет. Он долго жил, писал хорошие стихи до последнего момента. Тютчев до конца жизни писал блестящую философскую лирику. Но, как правило, поэт довольно быстро остывает. Рождение, развитие и умирание поэта я подробно описал в своем эссе «Как я был поэтом». Проза же — совершенно другой вид деятельности. Прозаик — это человек, который рассказывает истории.

О своем известном заявлении относительно того, что готов был бы писать «в стол», если бы это помогло сохранению Советского Союза:

— О том, что я был бы готов оставить свои острые первые вещи в столе, я стал говорить спустя довольно много лет. А в момент их написания я к такому готов не был! Меня страшно обижало, что их не печатали, что их запрещали. Это я потом понял, что самовыражение художника не может уравнивать на исторических весах сохранение цивилизационной преемственности, сохранение государственной мощи. Любая стремительная перестройка и перемена всегда обрушивает то, что создавалось. Это потом, с возрастом начинаешь понимать. Но все тоже было не так просто. Я вам один пример приведу. Когда у меня не печатали повесть «Сто дней до приказа», которую я написал в 80-ом году, то мне никто не говорил (а меня вызывали в ЦК, в КГБ, в Союз писателей): «Ты клеветешь на советскую власть». Все же все понимали. Каждые полгода полмиллиона молодых людей в нашем бескрайнем Советском Союзе приходили из армии домой, увольняясь в запас. Они приходили и рассказывали, что в армии есть проблемы, в том числе и проблема неуставных отношений. Я-то считаю, что проблемы Советской армии, где воспитательная работа хромала, с проблемами армии ельцинской, когда просто жрать было нечего в казарме, близко нельзя ставить. Но мы тогда жили в стабильном обществе, поэтому любое отклонение от того образца, который нам объявляли, нас ранило. Чем отличалась советская власть? Она все время говорила о том, что в стране все должно быть хорошо, что страна стремится к тому, чтобы удовлетворить все потребности населения, что власть должна народу служить. Народ принимал это за чистую монету и говорил: «Чего же вы так плохо служите? Вы же нам обещали, а вот это не сделали, вот это не сделали». А после 91-ого вы слышали от власти, чтобы она говорила: «Мы вам что-то должны»? Сейчас говорят: «Нет, с какой стати? А кто вам говорил, что жизнь — это подарок? Это тяжелая борьба». Вспомните идеи социал-дарвинизма 90-ых годов, когда Хакамада говорила шахтерам: «Идите ягоды с грибами собирайте». Это же была действительно идеология. И что ты с такой власти спросишь? Советская литература все время критиковала власть за то, что та не достигает обещанного идеала. Мы искренне были уверены, что литература должна бороться со злом, что зло, которое поднято на свет, и о нем сказано вслух, оно уже наполовину побеждено. Я тоже как советский писатель был воспитан именно таким образом. Поэтому, когда я писал свои первые вещи, я же не скрывая их писал, я был искренне уверен, что, если я напишу о недостатках, то положение дел исправится: в комсомоле исправится, в школе исправится, в армии исправится. Абсолютно искренне был уверен. С этим и писал. И вот что случилось с повестью «Сто дней до приказа». Ее запретили. Мне, конечно, обидно было, но я стал писать другую книжку. Уже «ЧП районного масштаба» написал. Стал писать «Работу над ошибками». О фронтовых поэтах написал, сидел в архиве... И вдруг

мне звонят из ГлавПура, где генерал армии Епишев провел совещание, на котором сказал: «Хватит нам, как страусы, прятать голову в песок. Давайте опубликуем повесть «Сто дней до приказа» в журнале «Советский воин», надаем этому автору за то, в чем он неправ, но проведем дискуссию и на материале этой повести и этой дискуссии разработаем методичку для замполитов, как бороться с неуставными отношениями». Мне-то казалось, что это очень верная была позиция. Но один из генералов встал и сказал, что в случае такой публикации он напишет особое мнение в военный отдел ЦК. Кому хочется связываться с военным отделом ЦК? Повесть не прошла. А через несколько лет я узнал, что этот генерал вдруг стал убежденным противником коммунистической идеологии. Его фамилия Волкогонов. Кто постарше, помнит его? И вот теперь я думаю, что в советском обществе была определенная социальная страта, которая видела свою задачу в том, чтобы недостатки советской цивилизации не изживались, а накапливались, достигая критической концентрации. Ведь это странное поведение. Если ты такой либерал, то почему ты выступал против повести, в которой была правда? Значит, ты во что-то играл. А во что ты играл? Я думаю, что настоящие секреты мы узнаем довольно нескоро. Некоторые вещи, которые происходили в нашей литературно-политической жизни в 30—40 годы, до сих пор закрыты. В нашей редакции лет десять назад состоял тогдашний руководитель ФСБ, и мы стали ему жаловаться, что вы не пускаете литературоведов в фонд такого-то писателя, не подпускаете к следственным делам такого-то писателя. Он ответил так: «У вас и без того в литературе авторитетов мало. Вы хотите, чтобы вообще их не осталось? Ну, мы вас пустим. Но потом пеняйте на себя». Я не согласился с ним тогда. А недавно в интернет просочилась информация о том, что поэтов-обэриутов арестовали по доносу Ираклия Андроникова. А я занимался обэриутами: Заболоцким, Олейниковым, Введенским. Я даже одно время книжку о Заболоцком хотел написать, и знаю, что Андроников с обэриутами дружил. Я подумал: «Боже мой! Зачем мне это знать? Я так любил и Андроникова, я так любил обэриутов. И жил бы я дальше без этого знания». Я, конечно, понимаю, что это малодушная позиция, но иногда соглашаешься с Екклесиастом, что во многом знании много печали.

Об актуальных политических взглядах:

— На мой взгляд, сейчас идея либерального консерватизма в нашем Отечестве и во всем мире весьма актуальна. Эта формула была придумана Пушкиным, который на вопрос Жуковского о его взглядах ответил: «Я либеральный консерватор, а может быть консервативный либерал. Я еще не решил».

О том, станет ли вновь Россия литературоцентричной страной:

— Понимаете, это вопрос, я бы сказал, на кандидатскую диссертацию. Это очень сложный культурологический, если хотите, мировоззренческий и политический вопрос. В России традиционно литература оказывала огромное влияние на умы, в отличие от некоторых других цивилизаций. Русская литература была тем полигоном, где обкатывались новые и философские, и политические, и даже экономические идеи. Сначала была «деревенская проза», а потом программа «Нечерноземье». И то же самое было в литературе девятнадцатого века: сначала освободили крестьян в литературе, а потом уже политически и экономически это сделали. Так было традиционно, а в советскую эпоху еще больше усилилось, потому что государство было во многом идеократическое. В таком обществе литература была очень важна, тем более, что литература, как и журналистика, во многом восполняла отсутствие многопартийной системы. Литература была своего рода оппозицией. Поэтому влияние литературы было огромно. Вспомните: любое советское произведение, даже очень слабо написанное, если в нем была критика, нетрадиционный, не освященный предварительными разрешениями взгляд на действительность, сразу становилось популярным. Мно-

гие советские вещи, которые мы читали заповсем, сейчас и открывать бы не стали, потому что в них ничего нет, кроме откровения о... комплексной бригаде. Вы сегодня пересмотрите пьесу Гельмана «Премия». Вы будете недоумевать: «Мы это смотрели?!» Да, мы это смотрели, потому что настолько были заражены процессами, происходящими в социуме, что нам это было интересно. Мы получали почти художественное удовольствие вот от этой, грубо говоря, производственной темы. И надо сказать, что именно писатели сыграли огромную роль в перестройке, в том, что случилось в стране, влияли на умы. Это у меня описано в романе «Любовь в эпоху перемен». Когда изменилась политическая система, когда пришли к власти представители контрэлиты (слава богу, что не антиэлиты), то они, естественно, сразу стали думать о том, кто может у них отобрать власть. Любые люди, взявшие власть, начинают об этом думать. А большинство писателей события 91-ого года не приняли. Был узкий круг либеральных писателей (многие уже были прикормлены на Западе: как это делалось, это отдельный разговор), но основная часть писателей была потрясена геополитической катастрофой, чудовищным социально-экономическим обманом с этими «ваучерами» и т.д., и т.д. Писатели были настроены оппозиционно. Тогда совершенно сознательно литературу начали маргинализировать. Стали совершенно искусственно убирать влияние нашей литературы на общество. Делалось это как? Во-первых, если вы помните, критически настроенный писатель практически исчез из телевизора. Если в 80-ые и даже 70-ые писатель из телевизора не вылезал (все мы с вами вечера из Останкино смотрели), то в 90-ые годы он практически исчез. Стал всячески навязываться другой тип писателя... Даже не писателя. Я придумал для этого вида деятельности аббревиатуру ПИП:

персонифицированный издательский проект. Ведь многие книги, которые мы читаем (детективы, женские романы), их же пишет группа товарищей. Просто на фотографии одно лицо, а на самом деле там работает бригада. Они хоть и бред пишут, но его же нужно написать в таком количестве: каждый месяц новая книга. Так и сформировался ПИП, который, даже если попадал в телевизор, даже если встречался с читателями, говорил о мелких вещах. Писатель (не важно, либеральный или патриотический) начинал говорить о судьбах родной культуры, о судьбах народа. Если это национальный писатель в республиках СССР, — о судьбе языка, о недостатке культурных кадров, о проблемах территориальных, геополитических, связанных с тем, что членение Советского Союза было, скорее, административным, чем этно-историческим (из-за чего сейчас взрывается у нас то там, то здесь). То есть писатель говорил о главном, о суперпроблемах. А ПИПы стали говорить о том, какая у них собачка, чем они ее кормят, где они отдыхают, какого цвета мебель они предпочитают в спальне и на кухне. Планка была обрушена. Обратите внимание: по телевизору нас несколько человек, которые бывают в политических ток-шоу, мы говорим на серьезные темы. А если вы увидите на экране ПИПа, то он говорит о чем угодно, только не о принципиальных вопросах. Затем в деле маргинализации литературы значительную роль сыграли литературные премии: «Букер», «Национальный бестселлер», «Большая кни-

га)... Сначала на премии выдвигали только развлекательную, аполитичную литературу, потом переключились на поддержание антисоветского тренда. В результате удавалось писателя из властителя дум превратить в оказывателя развлекательных услуг, более-менее интеллектуальных: у Акунина чуть поинтеллектуальнее, у Донцовой совсем про собачек. Таким образом влияние литературы было искусственно опущено. Добились того, что литература перестала быть политическим фактором общественной жизни. Осталось несколько человек: Проханов, который иногда что-нибудь залепит, так что у всех уши торчком, Лимонов... Но это единицы. Как мощная интеллектуальная сила литература иссякла. На это наложился кризис союзов писателей которые утратили функции министерства по делам литературы, а функции писательского профсоюза не обрели, потому что сегодня в перечне профессий Российской Федерации профессия писатель отсутствует. Профессия пескоструйщик есть, а профессии писатель нет. Это все звенья одной цепи. Инерционность данных культурных процессов очень опасна, потому что сейчас с точки зрения тех задач, которые перед собой поставило нынешнее политическое руководство России, нужна литература активная, формирующая мировоззрение, вернувшая себе воспитательные функции, от которых сознательно и декларативно отказались. Государство заинтересовано в том, чтобы литература снова находилась бы, как и церковь, в симфонических отношениях с властью. Общественную функцию литература утратила отчасти и сама, потому что неправильно себя позиционировала во времена национальной катастрофы 90-ых годов, но в основном это рукотворный политтехнологический процесс. Я даже знаю людей во власти, которые этим занимались в 90-ые годы, в «нулевые», которые пытаются заниматься этим и сейчас. К сожалению, есть люди, которые считают, что превращение нашей страны, как это было раньше, в страну литературоцентричную, в страну слова опасно для либеральных «общечеловеческих» ценностей. За возрождением русской литературы видят пробуждение русского национализма (почему-то во всех странах слово «национализм» — это абсолютно нейтральный политический термин, только у нас это бранное слово; почему — мне не понятно). «Литературная газета» в меру отпущенных нам возможностей постоянно подталкивает литературный процесс к возвращению на намоленную, традиционную стезю. Но такая государственная структура как Агентство по печати придерживается абсолютно противоположной точки зрения, либеральной. В Агентстве считают, что литератор должен заниматься мелкими вещами или писать о том, чего не разделяет большая часть населения. А встраивать литературу в систему государственных отношений в Агентстве считают неправильным. Это либеральная точка зрения, лично я ее не принимаю. Нормально, когда писатель болеет о судьбе своего Отечества, хочет, чтобы оно процветало, не хочет, чтобы в очередной раз все закончилось крахом. Но и у нас довольно много влиятельных людей, которые придерживаются другой точки зрения: писатель пусть занимается собачками, а государством Российским будем мы заниматься, политтехнологи. Одно время у нас целое министерство возглавляли люди, которые считали, что все искусство навсегда отделено от государства Российского, у них разные дорожки, и больше они никогда не сойдутся. Я думаю, что сойдутся. Время покажет. Это очень сложный вопрос. Он не решен.

О предложениях вынести тело Ленина из Мавзолея:

— Коммунистическая идея была позитивистской религией, и когда мне говорят, что надо выносить тело Ленина из Мавзолея, я спрашиваю: «А зачем? Вы же не выносите мощи наших святых из монастырей». Мне отвечают, что мощи — это святые. Но тело Ленина — тоже мощи, мощи позитивистской религии, которая считала, что человеческий ум и наука настолько всеильны, что мы обойдемся без Господа Бога, сами построим рай на земле, все недуги одолеем, и даже мощи у нас будут не-

тленны благодаря науке, а не чуду Господню. Пусть это ошибочное суждение, но страна семьдесят лет в него верила. Пусть тело Ленина лежит на своем месте, как памятник, как символ вот этой позитивистской религии. Не мы заносили, не нам выносить.

О воспитательной роли литературы:

— Те, кто пытается игнорировать значение литературы в обществе, задаются вопросом: а почему литература должна воспитывать? С какой стати? Их оппоненты отвечают, что, начиная с христианской житийной, евангелической литературы, воспитательный потенциал произведений ценился чрезвычайно высоко. И этот спор ведется не только у нас. Совершенно неожиданно для меня недавно в Чехии перевели давнюю мою повесть «Работа над ошибками». Значит, их тоже волнуют вопросы воспитания, примера, который получает молодежь. Инволюционная тенденция наметилась очень явственно. Спустя, примерно, 20 лет после моей повести «Работа над ошибками» Алексей Иванов написал свой роман о школе — «Географ глобус пропил», — практически полностью повторив мой сюжет. Сравните: и в том, и в другом произведении в школу приходит новый учитель, приходит ненадолго, у него непросто складываются отношения с классом — один в один. Я даже где-то при встрече спросил А. Иванова, читал ли он мою повесть. Тот ответил отрицательно. Но я думаю, что он читал, но забыл. Вот и решил, что это его сюжет. Так в литературе часто бывает, я не обижаюсь. Но у меня учитель на излете советской власти пытается объединить учеников идеей литературоцентрической — поиском романа гениального писателя, погибшего на фронте. Идея высокая, и дети объединяются. А в новом романе учитель прельщает детей походом. Поход тоже дело неплохое с точки зрения воспитания гражданина. Но поход с тайным распиванием портвейна это одно, а поиски пропавшей рукописи это все-таки другое. Вообще же говоря, нынешние учителя в смысле литературных источников, на которых они могут воспитывать, поставлены в очень тяжелое положение. Если бы я сейчас был учителем, я бы караул кричал. Прежде всего, таких книг, которые по-взрослому, без поддавок, говорили бы с юным читателем на серьезные темы и одновременно подходили бы для изучения в школе, всегда было немного. Я помню списки тех книг, которые нам давали в школе для внеклассного чтения, и не могу сказать, что это была плохая литература. Там были вещи получше, похуже, но это все была качественная литература, хорошо написанная, с проблематикой, понятной детям. Но большая часть литературы адресована людям постарше. Например, такие мои вещи как «Небо падших» или «Замыслил я побег» все-таки рановато в школе читать, хотя они посвящены чисто семейным отношениям. А та литература, которая сейчас отчасти даже навязывается, если ориентироваться на «Большую книгу», на «Нацбестселлер», на «Букер»... Про эти книги детям надо объяснять, что в них неправда. Есть хорошие книги, есть. Они, к сожалению, не получают премии. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: книга позитивная, книга с любовью к своему Отечеству считается непремияльной. Премияльной она станет, если в ней есть какое-то скрытое раздражение, а то и откровенная нелюбовь к Родине. Большинство современных премиальных авторов без ГУЛАГа уже не могут написать, о чем бы ни шла речь! Сейчас вот нового раскручивают гения — Водолазкина. Начинает писать книжку Водолазкин. «Авиатор». Сюжет, конечно, безумно оригинальный: человека заморозили, потом разморозили. Я одних только кинокомедий видел десятков на эту тему. Ну, ладно. Не умеет человек сочинить сюжет — тут же начинается ГУЛАГ. Да подождите вы! Уже на эту тему писано-переписано. Для школ, для приобщения к литературе должна определенным образом подбираться литература. И она есть. Мы о ней пишем в «Литературной газете». Вот почему важно читать наши обзоры. Но такую литературу не пропагандируют. Я всегда привожу пример. Есть два современных историка, у которых практически полно-

стью написана история государства Российского — с современных позиций, достаточно живым языком. Одна серия книг либеральная, где как бы сквозь зубы говорится, что российская цивилизация — это тупиковая историческая ветвь, что-то в ней не так, что-то с самого начала неправильно. И славяне откуда-то неоткуда вышли, и княжили у них не те, да и потом все неправильно (кстати, такой взгляд всегда существовал в российской историографии). Это Акунин. Вторая версия патриотическая, гораздо более основательная в научном отношении, написана интереснее (я сам ее люблю читать). Это Валерий Шамбаров. Вот вы зайдете в Москве в любой магазин, и на видном месте увидите груды книг Акунина. А Шамбарова вы найдете с трудом — на верхней полке в дальнем углу магазина. И расскажите мне, что это случайно! Мы об этом пишем в «Литературной газете», но есть какие-то вещи, которые происходят помимо нас.

О современном крупном бизнесе:

— У меня был приятель, мы с ним познакомились в начале 90-ых годов, молодой, очень энергичный бизнесмен. Занимался, как и большинство наших бизнесменов, тем, что... как бы это поточнее сказать... использовал бюджет государства в личных целях. Это, кстати говоря, особенность нашего большого бизнеса (и чем больше бизнес, тем большую роль в нем играет бюджет). И пока у нас так будет, я думаю, что проблемы останутся.

О литературных юбилеях:

— Очень показательна была история с Солженицыным. Я здесь пал жертвой своего языка. Началось вот с чего. Мне прислали приглашение войти в юбилейный комитет по празднованию столетия со дня рождения Солженицына А. И. Я к нему отношусь с глубоким уважением, он был большой труженик, но он писатель не моего романа. Я считаю, что как художественный писатель он средний, как исторический писатель он устарел безнадежно, потому что уже все известно о каких-то эпизодах, а мы у него читаем, что 50 миллионов, 70 сидело. Какие 70 миллионов? А кто тогда строил? Кто воевал, кто детей растил, если 70 миллионов сидело, и еще 70 миллионов их охраняло? А все население составляло 170 миллионов. Я отказался входить в комитет, сказав, что, к сожалению, участие в нем в мои планы не входит. Мне бы на этом остановиться. Но вы же понимаете: «Остапа понесло». Я давал интервью где-то в четырнадцатом году, накануне моего юбилея. Меня спросили про юбилей Солженицына. Я говорю: «Конечно, юбилей Солженицына отмечать надо. Но нам в газету присылают письма из регионов, жалуются, что местное начальство спрашивает: какие мероприятия намечены в восемнадцатом году, как вы будете отмечать столетие Солженицына?» Так ведь еще четыре года! А про то, что у нас до этого будет столетие Константина Симонова, столятидесятилетие Горького, двухсотлетие Тургенева — про это никто даже не помнит. Как же так можно?! Клином что ли свет сошелся на Солженицыне? Отметим, когда время придет. Так же нельзя тоже. Если у него жена активная, это не значит, что мы должны из-за этого забыть об остальных. К тому же мне совершенно не понятно, зачем в школе изучать «Архипелаг ГУЛАГ». Это сочинение называется «опыт художественного исследования». Это не научная вещь. Это его личная версия, которую, как и большинство его версий, наука не подтвердила. Он человек, обиженный на советскую власть, обиженный серьезно. Эта вещь должна, конечно, издаваться, ее надо читать, но не в школе, потому что она за счет искажения многих вещей прививает нелюбовь к своей Родине. Нужно изучать Солженицына в школе? Конечно, нужно. «Один день Ивана Денисовича». Вполне достаточно. И то с серьезными комментариями. Я своего интервьюера спросил: «За что Ивана Денисовича посадили?» — «Он колоски украл». — «Какие колоски?» — «Его ни за что, за анекдот посадили». — «Какой анекдот?» — «А за что его посадили?»

Его посадили за то, что он был дезертир. Он дезертировал во время войны из своей части. В любой армии мира его бы посадили, а в некоторых и расстреляли. Он не жертва. Он человек, который отбывает наказание (да, может быть, чрезмерно жестокое) за совершенное воинское преступление. Когда я служил в армии в группе советских войск в Германии, если бы я пошел пить пиво в гаштет и не вернулся бы к проверке, мне тоже дали бы штрафбат. А я после этого ходил бы и говорил: «Какая жуткая советская власть! Я всего-навсего пошел попить пива, а на меня навесили!» Солженицына надо изучать, но с комментариями. Вот такое мнение я высказал. Почему я

не могу его высказать? Но что тут началось! На меня навалилась вся наша либеральная общественность во главе с Натальей Дмитриевной. Но! Даже в этой ситуации было нечто полезное: стали рассматривать вариант, что не нужно изучать в школе «Архипелаг ГУЛАГ». И что самое главное: вспомнили о других юбилеях. Но Наталья Дмитриевна на меня очень серьезно обиделась. Показательный случай: с Натальей Дмитриевной мы оказались рядом на вручении государственных наград. А на таких мероприятиях все приглашенные рассаживаются в соответствии с разложенными на креслах бумажками. У нас кресла рядом в первом ряду: «Поляков» и «Солженицына». Все уже сели, только место Солженицыной не занято. Она не идет. Подходит распорядитель, берет бумажку с ее фамилией и переносит на другое кресло, а со мной рядом сажают другого человека. Она даже сесть со мной рядом не захотела, настолько ее обидело мое выступление. Я считаю, что вдове человека, который столько горькой правды о нашем Отечестве высказал за рубежом (и еще больше горькой неправды!), к критике в адрес своего супруга надо относиться терпимее. Мы

же терпели, когда критически высказывался Александр Исаевич покойный, царство ему, я надеюсь, небесное. Надо быть толерантнее. Но наши отечественные либералы никогда не отличались толерантностью. Это то, что великий Герцен называл либеральной жандармерией. Было у него такое высказывание еще аж в девятнадцатом веке.

О попытках ограничить вседозволенность на телевидении:

— Черт знает что иногда показывают по телевидению! Просто недопустимые вещи — они ниже плинтуса. Люди же не такие дебилы, чтобы с «Поля чудес» сразу попасть на другой канал в «Выиграй миллион». Передохнуть-то дайте! О жизни подумать чуть-чуть. Но видишь, как осторожно к этим вещам относятся наверху... Всегда лучше действует пример, чем дефиниции. Я помню, как однажды на Совете по правам человека (я одно время входил в Совет по правам человека при Президенте), мы встали, по-моему, четверо: Соловьев, Третьяков, я и еще кто-то из режиссеров, сейчас не помню. Мы предложили Президенту организовать Общественный совет по

телевидению. Этот совет мог бы состоять из представителей разных конфессий, разных направлений общественной мысли, специалистов по средствам массовой информации, видных деятелей культуры. Своего рода экспертная группа, которая будет решать, не слишком ли много на телевидении однотипных развлечений. Путин послушал нас и грустно-грустно говорит: «Вы же понимаете, что нас тут же все объявят полицейским государством». Мы пытались доказать, что Совет не будет проводить государственную линию, наоборот, если государство станет мешать деятелю культуры или ведущему передачи, то общественный совет за него заступится, выступит за свободу слова. Совет будет стоять на страже здравого смысла. Путин в ответ: «А кто будет с этим разбираться? Из любого нашего действия Запад сделает из этого очередную страшилку». Я в тот день передал Путину папку с материалами «Литературной газеты», с 17-ю специальными публикациями, в которых мы рассказали, как функционируют общественные советы по телевидению и радио во всех ведущих странах: в Америке, в Германии, в Израиле, во Франции — везде. Скажем, в Британии Общественный совет королева возглавляет, где-то премьер-министр, где-то уважаемый деятель культуры. Везде такие Советы действуют по-разному, но везде они есть. А если такой Совет возникнет в России, это сразу объявят наступлением на права человека. Почему? Непонятно... Так все и осталось, хотя мы несколько раз поднимали этот вопрос. Схожая ситуация и в литературе...

На этом закроем кавычки после прямой Ю. М. Полякова. Конечно, на диктофонной записи осталось еще несколько интересных суждений, случаев из жизни, писательских наблюдений. Но всего не передать, а сказанного довольно. В представленной читателю словесной мозаике содержится и обильная пища для размышлений, и, возможно, положения, которые ему захочется оспорить. И прекрасно! Давайте спорить. Давайте думать!

